

© 2011 г. Т.Е. Сорокина

**ОБРАЗЫ «МИСТИЧЕСКИХ РЫЧАГОВ ИСТОРИИ»
И КОНЦЕПЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОГО ГЕРОЯ
В РОМАНАХ П. КРУСАНОВА**

Романы Павла Крусанова «Укус ангела», «Бом-Бом» и «Американская дырка», объединенные автором в отдельно изданную «Триаду», способны дать исчерпывающие представления о его художественной историософии. Мы остановимся на двух романах Павла Крусанова – на «Бом-Бом» и «Американской дырке». Один из эпизодических персонажей (Коровин) первого текста говорит о том, что «башни подземельные», в одну из которых должны сойти все мужчины рода Норушкиных, есть «мистические рычаги истории», меняющие ход времени. Расширяя образ, можно говорить о его присутствии в обоих произведениях. «Мистические рычаги истории» могут быть разными, но в любом случае они повышают значение героя и личного выбора – поступка в контексте и социально-исторического, и метафизического движения. Единственным действенным шагом по динамизации исторического процесса, по включению России в исторический центр является погружение одного из Норушкиных в башню, находящуюся под старым склепом. Это очевидное движение «вниз» становится основой трудного движения «вверх». Если «вниз» уходит отдельный человек, то «вверх» возносится вся страна в целом. Политические события, военные сражения, идеологизация народных масс не имеют своей логики, кроме логики норушкинского жертвоприношения. Причем это жертвоприношение (кроме, возможно, самого последнего, завершающего судьбу Андрея) трудно оценить как подлинно героический поступок, не вызывающий вопросов о его двойственной природе. Норушкины совершают личный подвиг или проваливаются в заманившую их бездну? На наш взгляд, поэтика «Бом-Бом» препятствует однозначному ответу на этот вопрос. И в «Американской дырке» история не развивается без необходимого «рычага». Им оказывается деятельность Курехина/Капитана и его фирмы, создающей искусственную проблему, способную заразить Америку достижением ложной цели, решением обманной задачи. Вся современная цивили-

лизация – в зависимости от мысли и плана Капитана и его соратников. Более того, и события 11 сентября 2001 г. трактуются как последствия приведения в действие «рычага», отнюдь не исламского характера. История в романах Крусанова предстает податливой силой, как бы ожидающей человека, способного своей личной волей завести иной механизм, меняющий вектор развития.

Необходимо поставить вопрос о православии или особой религиозности мира Крусанова. Этот вопрос вполне уместен, если учесть, как часто возникают в романах религиозные мотивы. В текстах Крусанова есть очевидный, а иногда и навязчивый эсхатологизм. В «Бом-Бом» упоминается «Повесть об Антихристе» Владимира Соловьева. Николай Норушкин предчувствует, что к миру приближается «какая-то ужасная ошибка», а с «неба что-то давит». «Время не ждет – агенты наши повсеместно усугубление зла и сгущение тьмы наблюдают, а вы все без наследников», – сообщает князь Усольский Илье Норушкину. «Скоро страда наступит адская», – его же слова. «В мир идет неумолимая лавина ужаса», – ясная мысль Николая Норушкина. В глазах Атиллы (замаскированная убирка из романа «Бом-Бом»), «как и в глазах Герасима, сквозил леденящий напор тьмы, готовый прорвать полупрозрачную пленку, пока что отделяющую этот свет от лютого мира преисподней». В романе «Американская дырка» скважины – путь к традиционному аду. «По общему настроению, по самому насыщенному воздуху перемен видно, что последние десятилетия мир ощущает себя стоящим как бы в преддверии Нового Средневековья, входящим в очередной виток готических времен». «Метафизика сильно подвинула регулярную физику», но вот какого рода эта метафизика?

Автор не скрывает от читателей, что он работает с «темной» метафизикой. Ангелов света, образов божественного присутствия в романах практически нет. «Укус ангела», – и заголовок, и концепция характерного действия, вводящего метафизические силы в контекст двусмысленности, этической неопределенности. «Низ» Крусанову понятнее и ближе. Может быть, это связано с тем, что «ад» литературно динамичнее, чем «рай». «Ад» у Крусанова разнообразнее еще и потому, что писателя волнуют вопросы метафизики истории, а история и рай, если речь не идет об утопии, трудно сопоставимые образы и понятия. В летописи первого Новгородского епископа, сообщает повествователь в романе «Бом-Бом», была история о боярине Норуше, который отправился искать место падения одного из семи главных ангелов,

восставших вместе с Денницей. Николай Норушкин на Дальнем Востоке слышал от староверов «легенду о семи башнях сатаны, число которых со-размерно числу главных ангелов, сошедших с неба на землю, чтобы возлечь с дочерьми человеческими, а сынам человеческим открыть то, что было скрыто, и соблазнить их на грехи...». Демоны – участники истории. Много сказано в романе «Бом-Бом» об убырках. «Убырки – злые духи, демоны, выпивающие у людей, совершивших десять черных грехов, души и поселяющиеся в их телах», – сообщает Чапов.

Бог при этом – над историей и, возможно, вне ее. Причина в том, что история, как, по-видимому, и демоны, пребывает во времени, а Бог никак не связан с ним. Об этом говорит Чапов: «Мы ведь времени сопричастны, а Бога во времени нет, затем что время от дьявола» «Выходит, если Бог есть, то Его нет?», – догадывается Николай Норушкин о смысле этого очень значимого парадокса. Чапов отвечает четко и лаконично: «Совершенно верно, князь». Следовательно, демоны уловимы средствами искусства, а Бог принципиально – нет. Это значит, что историософия прежде всего касается сил зла, их присутствию в социальных и социально-метафизических процессах. Именно поэтому так часто образы «низа» в романах Крусанова преобладают над образами «верха». О «невозможном в телесном мире совершенстве» говорят герои романа «Бом-Бом». Действительно, земной мир с его логикой и законами показан у Крусанова без особого оптимизма, с некой гностической отстраненностью от природы и даже человеческого бытия. История, как ее понимает Крусанов, должна быть названа кризисом и падением. Об этом рассуждает Андрей, главный герой романа «Бом-Бом»: «Ведь социальная эволюция, вопреки расхожему мнению, есть все же деградация, постепенное удаление из жизни экзистенциалов, закономерное нисхождение человеческого бытия все к более тяжким оковам в силу его, человека, постепенного удаления от адamicкого состояния близости к Творцу». Затем следует не менее значимая фраза: «Далее мысль Норушкина развивалась приблизительно в том направлении, что если итог социального прогресса – муравейник и улей, ибо ничего совершеннее природа до сих пор не изобрела, то не лучше ли эту нисходящую эволюцию пресечь и навсегда остаться варваром-кузнечиком, еще не одухотворенным всеобъятным гнездовым/роевым духом и стрекочущим в свою дуду исключительно ради усатой прелестницы?». Это всего лишь пред-

положение, знак особого настроения героя, но оно хорошо показывает, что никакого гуманистического понимания истории и судьбы человека в романе нет. «Конец света будет всего лишь началом тьмы», – подобный черный юмор в романах Крусанова встречается часто.

Крусановские герои (Капитан, в частности) говорят о «меркантильном человечнике». Речь идет не о специальном, продуманном демонизме, а о демоническом измельчании человека, о снижении планки, регулирующей потребности и мечты: «Нынешние наследники Фауста, отвернувшись от личных проблем, сплошь озабочены всеобщим потеплением, политической корректностью и ужасом перед человеческим клоном». Но если Фауст, созданный фантазией Гете, преодолевает искушения Мефистофеля, не останавливается на «мгновениях», парадоксально останавливая лишь неостановимое мгновение «вечного движения», то современные «фаусты» проще и примитивнее. Безнадежен ли Запад? По мнению Капитана, шанс есть, но размышление о нем звучит как пророчество о катастрофе, а не как данные о возможном выздоровлении: «Омовение в первичной плазме человеческого бытия, знаешь ли, отрезвляет. Прямое столкновение с опасностью и вовремя отворенная кровь встряхнут их и заставят сбросить наваждение». Запад оценивается как «страсть к обслуживанию тела». Она «вошла в привычку, в общий план жизни, так что, очистив себя (...), западный человек взялся свое тело *продлевать*. Ноги продолжил автомобилем, слух и глотку – телефоном, зрение – картинкой на экране». Египетский миф о борьбе Солнца Ра и Змея Апопа создает мифологический и метафизический уровни крусановской «антисистемы»: «И сегодня мы видим, как загробный мир, чудовищный змий Апоп, идет в атаку на мир живых, мир традиции и порядка, – в Египте Дуат обозначался иероглифом звезда в круге, уже на нашей памяти самолеты с этим иероглифом на фюзеляже бомбили Югославию, Афганистан, Ирак. (...) Но Ра, конечно, победит, хоть это и не просто. Он всегда побеждает. Апоп падет, и солнце традиции воссияет в Дуате». «Диагноз ей (мировой цивилизации) автор ставит почти окончательный: омертвление тканей, загнивание достоинства, чувства чести, воли к жизни и властвованию, к отстаиванию и продвижению своих исконных ценностей. Запад погряз в алчности, к абстрактности, в помоях душевного комфорта и политкорректности», – пишет М. Амусин, анализирующий «Американскую дырку» [1].

Как мы сказали выше, присутствие Бога в романах Крусанова менее ощутимо, чем присутствие демонов. Но размышления о Боге появляются в рассматриваемых произведениях довольно часто. Они далеки от канонических бесед, от православного понимания Божества. Возможно, несовершенство истории заставляет героев свободно, вне традиций выстраивать свои речи о высоких предметах. «Мы с Богом оказались связаны крепче, чем нам преподавала церковь – на две стороны: Бог нужен человеку, чтобы очищаться в страдании, а человек нужен Богу, чтобы быть», – сообщает Евграфу Капитан. Реально существующей силой оказывается история (и метаистория), в которой происходит борьба человека с демонами и демонизированными силами (Америкой, например), поэтому слово «Бог» становится «частью речи», а не основополагающей частью мироздания: «Надо выйти из безответной покорности или слепого святотатства и осознать, что человек и Бог – партнеры, необходимые друг другу соратники, один другому прикрывающие спину. Воздем этого обновляющегося мира будет Россия, но для этого она должна возвыситься, стать сильнейшей среди равных».

С нестандартным пониманием Бога связано и весьма своеобразное понимание этики в романе «Американская дырка». Резко усиливается человеческая активность, приобретающая скорее ницшеанский, чем христианский смысл. Но лексика остается христианской: «Бог ждет от нас дел веры, а не только поста и молитвы... Православный христианин по афонским, сохранившим преемственность и византийскую чистоту понятиям ... – это свободный, решительный, здравомыслящий, неустрашимый, стойкий и смиренный ратник Христов. Причем его смирение – отнюдь не безволие, а великодушное и безропотное принятие всего, что выпадает в жизни на его долю... Вся жизнь христианина – война. С врагами телесными и бесплотными... «Врага – убей», – просто сказал мне ангелоподобный афонский старец Иоаким, когда я спросил его о тех, кто оскверняет в человеке образ Божий, кто лицемерие и ложь – орудие дьявола – почитает за добродетель, а деньги ставит выше спасения. Это даже мощнее заповеди Филарета Московского: люби врагов своих, бей врагов отечества, ненавидь врагов веры... Как повезло нам с умом, душой и талантом родиться в России!». Христианство если и остается в «заповеди» «врага – убей», то приобретает некий военный, милитаристский характер. Причина такой трансформации в следующем: если центром стано-

вится не личность, а история и такие собирательные фигуры, как род Норушкиных, то и христианство приобретает эпические черты, обусловленные движением народов, а не судьбой отдельных лиц. Впрочем, присутствие эпического начала в романах Крусанова порой вызывает сомнения у критиков, например, у М. Волкова: «Не чувствуется эпического дыхания... Вообще Крусанов по природе своего таланта – скорее лирик, чем эпик... Каждый эпизод из многовековой истории семьи Норушкиных существует сам по себе, выстраиваясь в единый текст лишь волей автора, но не логикой сюжета».

Приведенная выше цитата ставит вопрос о проблеме героя в историософском пространстве романов Павла Крусанова. И здесь вновь ситуация достаточно парадоксальная. С одной стороны, человек растворяется в абстрактной исторической воле, в таких конфликтах, как «Россия – Запад». С другой стороны, сохраняется призыв к героизму. Героическим можно назвать итоговый выбор Андрея Норушкина. У него молодая жена, ему хочется жить – просто жить, вне истории. И, согласно этой земной логике, он отказывается от погружения в «дыру», но тут же меняет свое решение, совершая необходимое деяние. Жертва или провал в бездну? Герой-преобразователь или всего лишь тот, кто избран для ускорения исторических процессов? Если учитывать весь объем сюжета романа «Бом-Бом», то мысль о героизме теряется. Но финал (выбор Андрея) все же возвращает героический идеал. Герой – в согласии с собственной мыслью: «Андрей подумал, что, по существу, только при условии готовности человека к дуэту с судьбой та распускает хвост и становится судьбой с большой буквы». С еще более конкретной речью обращается к Андрею умирающий дядя Павел: «Ты – последний. Если срок прошляпишь – по своей вине или кознями нечистого, – не будет никому спасения: царство мертвых откроет свою пасть, и люди будут опущены туда (...) (Отец Андрея. – Т.С.) свой срок в башню идти пропустил, оттого мы Третью мировую и продули». Персонализм и коллективное начало сливаются в единство в речи Тимофея Норушкина: «Жизнь рода – это и есть исчерпывающая в своей полноте человеческая жизнь, его цельнокупная судьба».

О том, что героизма не хватает сейчас нашей «великой традиции», в романах Крусанова говорят часто. Но есть в этом героизме нечто сказочное: «Американская дырка» – это просто гимн манипулируемой реальности и манипуляторам – героям-одиночкам, рожденным, «чтоб сказку сделать былью» и наобо-

рот. В этом романе особенно впечатляет та легкость, с которой действительность уступает натиску ее преобразователей», – считает М. Амусин [1]. Это не героизм воина, а скорее действия стратега, умеющего использовать интеллигентские знания и опыт для борьбы с врагом с помощью его же оружия – особой информационной, речевой тактики. Таков Курехин/Капитан, сочетающий юродство и цинизм, религиозную риторику и талант специалиста, выигрывающего информационную войну. Курехин – особый тип личности в романе Крусанова: остроумный и легкий человек, склонный к игре и не замеченный в любви к официозу, становится символом системного противостояния Западу, своеобразным главой спецслужбы, которая перестает дурачиться и развлекать, начиная карать. Это образ закономерной инквизиции, не теряющей игрового контекста. Но при этом занимающейся столь масштабными проектами, как наказание Америки. И все же, тот факт, что перед читателем то ли Курехин, то ли некий Капитан, не сливающиеся в единый образ, показывает, что безличностное начало стратегии истории остается важным для крусановской поэтики. У каждого значительного для автора героя есть свое искушение. Искушение Андрея Норушкина – не идти в башню, остаться в обыденности. Искушение Евграфа Мальчика – погрузиться в ревность, забыв об общем деле. Искушение Курехина менее очевидно. В романе есть тема искушения как сохранения своей вроде бы удавшейся жизни, чтобы остаться знаком самого себя – достигшего успеха. Курехин/Капитан преодолевает искушение, выбирая виртуальное существование – не жизнь, не смерть. Это называется «идеей Патрокла Огранщика»: «человек, достигший вершины в своем деле, должен оставить былые занятия, отрясти с сандалий прах, сменить имя и начать все сначала на новой ниве». В «ложе Патрокла Огранщика», по словам капитана, пребывают Цой, принцесса Диана, Сергей Бодров.

Подчеркиваемая литературность происходящего в романах Крусанова более очевидна, чем в романах Проханова и Личутина. В «Бом-Бом» говорится не только о том, «мир слагается верой и волей», но и том, что бесов, например, на сцену русской истории вызвал Достоевский, а Каракозова и Нечаева породил Чернышевский. Звучит мысль о том (это идея Ильи Норушкина), что после смерти писатель оказывается в созданном им мире. Капитан из «Американской дырки» – «сочинитель для мира его судьбы». «Я понял, что жизнь – разновидность искусства, и если ему хорошо обучиться, то жизнь может стать

такой, какой ты ее сделаешь... Не скажу о Бог, поскольку мы ловим только Его тень, вернее, только часть, клочок Его тени, которая и есть *наше представление о Боге*, но религия – чистейшая производная от эстетики. Мы не хотим грязного, скверного, склизкого и стонущего мира. Мы хотим стоять посреди чистого, сияющего храма. Мало кого привлекают гниль, испражнения и кровавые ошметки – вот почему мы не с бесами», - рассуждает Евграф, убеждая себя, что и религия есть итог, результат искусства. Следовательно, художник вправе творить в романе ту историю, которая ему нравится, надеясь, что его художественный образ будет приобретать объективность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амусин М.* Новая российская футурология // Звезда, 2007, № 12; <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/12/am11.html>.
2. *Волков М.* Павел Крусанов. Бом-Бом // Новая Русская Книга, 2002, № 2; <http://magazines.russ.ru/nrk/2002/2/vollk.html>
3. *Крусанов П.* Триада. СПб, 2007.

Южный

федеральный университет

3 февраля 2011 г.